

ДИАЛОГ О ВЕЖЛИВОСТИ И ГРУБОСТИ

Урок культуры речи в X—XI классах по произведениям
Виктории Токаревой

Т. Г. МИХАЛЬЧУК,

*заведующая кафедрой русского языка Могилевского
государственного университета им. А. А. Кулешова,
кандидат филологических наук*

Разговорная речь — это прежде всего речь диалогическая. В школьном курсе «Введение в риторику» авторы программы первого года обучения Т. А. Ладыженская, Г. И. Сорокина, И. В. Сафонова, Н. В. Ладыженская разработали «Основные риторические умения» в разделах «Общение» и «Речевые жанры». Большое внимание уделяется в программе речевому этикету. К риторическим умениям в плане речевого этикета авторы отнесли следующие: «оределять степень вежливого поведения, оценивать его с позиции «вежливо-невежливо». Оценивать уместность использования способа выражения приветствия, прощания, благодарности с точки зрения ситуа-

ции общения. Вступать в контакт и поддерживать его, умение благодарить, используя соответствующие этикетные формы. К риторическим умениям в разделе «Жанры» относятся: научиться распознавать этикетный диалог, оценивать речевое поведение собеседников, их словесную вежливость. Вести этикетный диалог, пользуясь этикетными формами вежливости» [1. С. 10—12].

Научить старшеклассников приобрести и закрепить риторические умения помогает не только живое общение, но и художественный текст. «Именно отражение в художественной литературе живой речи и литературной нормы делает художественный текст уникальным материалом при обучении языку» [2. С. 34].

Формулы этикета имеют прагматико-коммуникативную интенцию, т. е. направленность на благоприятную прагматическую тональность отношений между коммуникантами, поддержание, создание и улучшение микроклимата человеческих отношений. Они, с одной стороны, нормативны, с другой — строятся индивидуально-творчески.

Этикетность имеет свои внутренние градации: простая вежливость, любезность, галантность (комплиментарная форма речи), церемонность. Но этикетность — это составная часть большей категории: этикетности-неэтикетности. В этом смысле «этикетность» противопоставлена неэтикетной форме речи, причем последняя тоже имеет свои градации: фамильярная, грубоватая речь, обидно-грубая и так далее в плане до оскорбляющей человеческое достоинство. Этикетность-неэтикетность имеет дело в первую очередь с нормативной регуляцией речи, с учетом определенных составляющих ее ситуаций (социальный статус коммуникантов, их взаимоотношения, типовая функция речи и т. д.).

Наиболее типичным для речевого этикета является диалогическое единство — от двух реплик до более пространный реплицирования. «Диалогическое единство строится не по законам грамматики, а по законам прагматики» [3. С. 41].

Прагматика речи имеет в виду широкую функцию положительно-отрицательной настройки собеседника на отношение к говорящему. Базовой является прагматика семантического содержания реплики.

В звучащей речи вежливость нетрудно отличить от невежливости. «Распознать» помогут не только вербальные средства, но и мимика, жесты говорящего, а главное — то, с какой интонацией произносится этикетная формула. Ин-

тонация способна быть эмоциональным эквивалентом отрицания.

В художественных произведениях для осмысления семантики реплики становится необходим соответствующий контекст. «Область лексического наполнения ответных реплик, их субститутов, законов их компрессии и модальности вводит нас в сферу контекстуальной полисемии, омонимии и синонимии» [4. С. 56].

Виктория Токарева в своих произведениях ведет с читателем диалог о вежливости и грубости, культуре и хамстве.

Персонажи Токаревой болезненно реагируют на эти категории. Вежливость, грубость, их градация подчеркиваются в авторских ремарках. Например, у героев произведений В. Токаревой встречаются **высокомерный** отказ, **деликатная** просьба, **интеллигентное** приветствие, **угодливая** благодарность. Персонажи весьма чувствительно реагируют на хамство, отсутствие этикета. Некоторые обижаются вслух, другие молча, про себя, с неудовлетворением это отмечают.

Герой рассказа «Японский зонтик» стоит в очереди. К нему подходит девушка и спрашивает: «Что дают?».

— Простите, — *вежливо* сказал я, — сейчас узнаем. Я постучал в предыдущую спину, как в дверь. — Скажите, пожалуйста, что дают?.. — Японские зонтики. — Японские зонтики, — *перевёл* я девушке. — Я слышу, — *невежливо* ответила девушка.

Понятно, что слышит. Не глухая. Но ведь могла бы и скрыть. Могла бы сказать: «Большое спасибо».

Пьяная соседка дает оценку всему семейству: — А ты противная, — *делится* она. И муж у тебя противный, как осётр. И дочка-хабалка, никогда не здороваются... («Звезда в тумане»).

В рассказах мамы и няни стараются приучать маленьких детей к вежливости, этикетной речи. Иногда им это удается:

Из кабинета вышла Вероника с трёхлетней Аней: — Скажи тётке спасибо, — посоветовала Вероника.

— Спасибо, тетя, — *послушно* отозвалась Аня («Длинный день»).

А иногда ребенок никак не может понять, почему на любимую няню нельзя сказать грубое слово:

— А зачем ты обзывалась? — упрекнула Нюра. — Говорила на бабушку «дура». Что это такое?

— Потому что ты моя, — *объяснила* Аня. Она полагала, что чужому человеку невозможно сказать «дура». А своему можно. Так что «дура» — это подтверждение доверия в любви.

— Не, я так не согласная. — Нюра требовала не только внутренней любви, но и внешнего уважения. Соблюдения этикета.

— Согласная! — завопила Аня. — Согласная! Дуя! («Длинный день»).

В плане речевого этикета (вернее, его полного отсутствия) представляет интерес рассказ В. Токаревой «Зануда». К молодой семейной паре пришел «на минутку» сосед. Тем не менее он всю свою программу выполнил до конца, отнял время у чужих людей, поел, попил, прочитал газету, да еще и разбил тарелку. При этом он ни разу не поблагодарил, не извинился:

Люся поняла, что Женька хочет есть. — Налить вам чаю? — спросила она. — Как хотите, — ответил Женька. — Это зависит не от меня.

Люся удивилась, но ничего не сказала. Она налила ему чай в высокую керамическую кружку, подвинула ближе всё, что стояло на столе, Женька молча начал есть...

— Вы поели? — спросила Люся. Она ожидала, что Женька ответит: «Да. Большое спасибо. Я, наверно, вас задерживаю, я пойду!». Но Женька сказал только первую часть фразы: — Да, — «спасибо» он не сказал.

Женьке кроме хамства присуще еще и буквальное, прямое понимание формул речевого этикета, без учета их условности, ритуальности. Так, «здравствуйте» он понимал как «будьте здоровы», а «до свидания» как «до следующей встречи». Ср.:

В пять часов с работы вернулся Юра. Увидев его, Женька остановился и замолчал.

— Добрый день, — поздоровался Юра. — Да, — согласился Женька, потому что считал сегодняшний день для себя добрым.

Юра удивился такой форме вежливости.

Еще более болезненно воспринимается невежливая речь в официальной обстановке, например при обращении матери больного ребенка к врачу, от которого зависит жизнь ее дочери (телефонный разговор):

— Здравствуйте, — растерянno произнесла Вероника. Она не умела разговаривать, когда ей не были рады. Это очевидно.

— Кто это? — отрывисто, торопливо, напряженно.

— Меня зовут Вероника Андреевна Владимирова. Я мать девочки Ани Владимировой, трёх лет.

— Короче, — приказал Егоров («Длинный день»).

В рассказе «Старая собака» героиня, как характеризует ее В. Токарева, — «наивная хамка». И хамство «имело у неё самые разнообразные оттенки. Иногда это было весёлое хамство, иногда обворожительное, создающее шарм, иногда умное, а потому

циничное. Но часто это было нормальное хамство, идущее от постоянного общения с людьми и превратившееся в черту характера».

В. Токарева старается не оправдать, а объяснить причину этого хамства: «Возможно, оно было как осложнение после болезни — дефект неустроенной души. Лечить такой дефект можно только лаской и ощущением стабильности».

Иногда вежливость воспринимается героями произведений В. Токаревой как пощечина. Ушел любимый человек от Марины. Она ему позвонила на работу, захотела вернуть. «Он был вежлив и доброжелателен». И она поняла, что «он свободен от неё и теперь будет мстить вежливостью и доброжелательностью» («Паша и Павлуша»).

Иностранцы изображены в рассказах как антипод русским людям — вежливые и все понимающие, снисходительные к нашим слабостям и недостаткам.

Эля тянула домой пьяного мужа из ресторана. «Игорь выпал из-под её руки и свалился на стол, за которым сидели иностранцы. Пожилая американка посмотрела на Элю повышенно доброжелательно, и Эле показалось, что её муж где-нибудь в штате Огайо тоже надирается до чёртиков» («Хэппи Энд»).

Если сосед Женька из рассказа «Зануда» не употреблял вообще в своей речи формулы этикета, то герои рассказа «Звезда в тумане», наоборот, придают большое значение, казалось бы, пустым трафаретным фразам. Они как бы наполняют их особым содержанием, только им понятным:

Он звонит и говорит: — Привет.

Она отвечает: — Привет.

Он говорит: — Ну, пока.

Она отвечает: — Пока.

И весь разговор. Всего четыре слова. По два с каждой стороны. «Привет» и «Пока». Но это не так мало, как кажется. На самом деле этот разговор гораздо длиннее, чем четыре слова, на самом деле он таков: — Я есть у тебя. Привет. — И я есть у тебя. — Но у меня дела. Я пойду по делам. Пока. — Я уважаю твои дела. Для настоящего мужчины дела важнее женщины. Но после всех дел ты придёшь ко мне. Я подожду. Пока.

С тонким юмором написан рассказ В. Токаревой «Здравствуйте». Его содержание строится на превратном понимании пожилым человеком особо почтительного приветствия, обращенного к нему: Редакторша как-то странно на него смотрела, только что не подмигивала, и как-то особенно говорила «здравствуйте». Кияшко всякий раз удивлялся и не понимал, чего она хо-

чет. От своей дочери и от её подруги Кияшко слышал, что современные молодые мужчины никуда не годятся, — слабаки, пьяницы и халявщики, не могут за себя платить. И ничего удивительного в том, что молодые одинокие женщины ищут поддержку и опору в зрелых и даже слегка перезрелых мужчинах.

В авторском комментарии объясняется истинная причина подчеркнуто вежливого приветствия, с которым молодая женщина обращается к ветерану: *Моё «здравствуйте» как бы давало понять, что его страдание и мужество не оставили равнодушными следующее поколение... Поколение детей помнит. И моё «здравствуйте» — это маленькая компенсация за прошлое. Больше я не могу. Я могу только уважать и помнить.*

Паралингвистические знаки общения, включая жесты, мимику, могут выступать как самостоятельные средства выражения чувств, мыслей. Жест, являясь значимым невербальным сигналом, может замещать довольно сложную реплику.

Превосходно изображена В. Токаревой сцена косвенного, непрямого выражения благодарности в рассказе «Длинный день». В авторской речи колоритно описаны жесты, мимика, выражение глаз родителей-армян, безмерно благодарных хирургу за жизнь сына: *Они выступили из-за деревьев и застыли в неподвижности, как бы являя собой композицию благодарности: их руки были прижаты к груди, глаза умиленно растарашены, губы шевелились, как во время молитвы. А может быть, они действительно на него молились.*

Ср. с «композицией» «Просьба»: *Наташка тут же надела гримасу притворного испуга, залепетала и запричитала тоном нищенки: — Ну пожааауйста, ну мамочка... Ну дорогая...*

При этом она прижала руки к груди, как оперная невица, поющая на эстраде, и прошупывала меня, буравила своими ясными трезвыми глазками чекиста («Летающие качели»).

Колоритным образом попрошайки-вымогательницы предстает Райка в рассказе В. Токаревой «Старая собака». Ее искусство имело целую систему: *Адам даже усвоил её систему: сначала Райка начинала жаловаться на свою жизнь и приводила такие «убедительные» доводы, что её становилось жаль. Потом начинала извиняться за предстоящую просьбу и извинялась так тщательно, что хотелось тут же всё для неё сделать. Потом уже шла сама просьба, просьба ложилась на подготовленную почву...*

Комплимент у В. Токаревой может быть искренним, сказанным от души, и неискренним, чисто этикетным, не соответствующим истинному положению вещей:

— Вадим, ты прекрасно выглядишь! — искренне восхитилась Райка, вскинув на него свои крупные наглые глаза.

— Ты тоже, — сказал Вадим, чтобы быть вежливым.

Райка сидела в платье с низким декольте. Она всегда носила низкие декольте, видимо, ей сказали, что у неё красивая шея и грудь. Может быть, когда-то это было действительно красиво, но сейчас Райке шёл сорок девятый год, и эти сорок девять лет были заметны всем, кроме неё самой.

В произведениях В. Токаревой встречаются практически все ситуации речевого этикета. Она пишет о повседневной жизни, просто рассказывает о конкретных событиях. Не поучает своего читателя, не стремится внутренне переделать его. Писательница предоставляет читателю право сделать собственный выбор, выбрать свою линию поведения, тональность общения.

Ситуации речевого этикета даны в полном объеме используемых формул. Так, форма приветствия характеризует говорящего в социально-культурном плане, варьируясь по стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске. В произведениях В. Токаревой встречается просторечное «Здорово», нейтральные формы «Здравствуй», «Добрый день», «Доброе утро»; их разговорные варианты «Здрастье!», «Привет».

Выбор формул приветствия является стилистически сознательным у персонажей В. Токаревой. Так, иностранец Жан-Люк выбрал «Привет», «потому что не умел выговорить русского «здравствуй» («Система собак»).

Базовой формулой выражения благодарности является нейтральное «спасибо». «Спасибо» произносится «серьёзно», «расстроено», «с чувством». Героиню рассказа «Центр памяти» «ошпарило чувство благодарности».

Просьбу персонажи В. Токаревой выражают по-разному. Это может быть просьба-требование, просьба-приказ, вежливая просьба, сухая, равнодушная, бесстрастная, нищенская.

Формулы извинения (извините, простите, прошу прощения) героев произведений В. Токаревой произносят смущенно, виновато.

Согласие дается с различной прагматической установкой и стилистической окраской: полное, абсолютное, ложное, уклончивое, неохотное, неискреннее, равнодушное. Ср.: уклончивое, неохотное согласие:

— Из дома выгнали? — догадался Коля. — Примерно, — нехотя сказал Иван. — Денег мало приносишь? — догадался Коля. — Примерно («Хеппи Энд»).

В рассказах и повестях В. Токаревой этикетное поведение персонажей выполняет личностно-характеризующую, экспрессивно-изобразительную и идейно-художественную функции.

Использование писательницей формул речевого этикета тщательно продумано и опирается на великолепное владение всем богатством форм русского национального языка.

В. Токарева употребляет этикетные формулы оригинально, остроумно, со специальным стилистическим заданием, мастерски применяя при этом различные стилистические приемы: каламбурное переосмысление этикетных формул, фразеологизированные этикетные выражения, стилистические смешения, противопоставления и др.

Большую роль в произведениях В. Токаревой играет авторский комментарий к прямой речи персонажей, который помимо «технической» функции указания на принадлежность речи дает эмоционально-психологическую оценку состояния говорящего, вносит подробную информацию о паралингвистических аспектах речевого действия, а также модальную верификацию речи персонажа.

В этикетных речевых ситуациях, встречающихся в произведениях В. Токаревой, ярко отражены самобытность, национальная специфика формул русского речевого этикета, особенности русской разговорной речи сегодняшнего дня.

Японский критик Макико Ояма писал: «В произведениях В. Токаревой есть материнское мягкосердечие и материнский оптимизм. В. Токарева — прямодушный писатель. Всякий может легко войти в ее мир. Ее произведения — литературная математика. Она говорит разумные вещи разумно. Когда мы читаем ее произведения, то понимаем, что не замечаем разумных вещей. Она не обманывает ни свое чутье, ни читателей».

Литература

Ладыженская Т. А., Сорокина Г. И., Сафонова И. В., Ладыженская Н. В. Детская риторика в рисунках, стихах и рассказах. Метод. рекомендации. Кн. для учителя. М., 1995.

2. Кулибина Н. В. Художественный текст на уроке русского языка: цели и методы использования // Русский язык за рубежом. 1991. № 2.

3. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987.

4. Тер-Аракелян Р. Субституты ответной реплики в диалогическом единстве // Международный симпозиум «Вопросы диалогической речи». Тезисы докладов и план работы. Тбилиси, 1980.

Источники

Токарева В. Один кубик надежды. М., 1997.

Токарева В. Кошка на дороге. М., 1998.

Токарева В. Нахал. М., 1997.

Токарева В. Скажи мне что-нибудь. М., 1997.